

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-13

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.219-241

ВОПРОС ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНЕЙ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА И ЭТИМОЛОГИЯ КОГНАТОВ «ВОДЫ»

*С.Ю. Петров**sypetrov@mail.ru**Технический переводчик, г. Омск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможности определения степеней родства индоевропейских языков по отношению к славянским языкам. Автор анализирует генеалогию индоевропейских языков, модель возникновения одного из этимонов из состава ядерной лексики «вода» в русском и других славянских языках, а также пути развития водных когнатов в других индоевропейских языках и в языках некоторых других семей. Актуальность темы определяется известной неудовлетворительностью и устарелостью имеющихся этимологизаций этой лексемы, как и недостаточно точной словарной глоттохронологической методологией. Применяя чередования звуков [б(в)/м] и собственную теорию чередования матерей чтения, автор предпринимает попытку собственного определения реальной этимологии лексем, происходящих из этимона воды.

Ключевые слова: вода, водить, колодец, лить, море, посуда, свинец, сосуд, сосок, праиндоевропейские корневые основы, индоевропейская теория, теория чередования матерей чтения, чередование звуков, этимология.

Для цитирования: Петров С.Ю. Вопрос определения степеней языкового родства и этимология когнатов «воды». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 219–241.

FAMILIAL RELATIONSHIPS BETWEEN KIN LANGUAGES AND ETYMOLOGY OF RUSSIAN ВОДА “WATER”

*S.Y. Petrov**sypetrov@mail.ru**Technical translator, Omsk, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of defining of familial relationships between the Indo-European languages in relation to the Slavic languages. Analysis of the genealogical tree of the Indo-European languages, and the incipience pattern of the basic stock member *вода* ‘water’ in the Russian and other Slavic languages, as well as the developmental patterns of water cognates in the other Indo-European languages, and languages from some other language families are given in the present work. The relevance of the topic is determined by inadequacy and obsolescence of the existing etymologies of *вода*, as well as by insufficient glottochronology. On the basis of the application of the [b(v)/m] alternation and his own *matres lectionis* alternation the author makes an attempt to introduce his own etymology of the words flowing from the cognate of ‘water’

Keywords: water, lead (1), lead (2), leak, marine, nipple, pour, sea, utensils, vessel, well, Proto-Indo-European word-stems, the Indo-European theory, alternation theory, sound alternation, etymology.

For citation: Petrov S.Y. Familial relationships between kin languages and etymology of the Russian *вода* “water”. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4 (2): 219–241. (In Russ.)

Whatever is not simple, easy to understand, cannot be the truth.

Arnold Ehret

Как этимологи этимологизируют базовую лексику русского языка? В любом этимологическом словаре старшей обычно предлагается гипотетическая праиндоевропейская основа, из которой далее выводятся гипотетическая прагерманская, гипотетическая праиталийская, гипотетическая праславянская формы, каковые снабжаются астериском (*) для указания того, что эти реконструируемые формы нигде и никогда не были зафиксированы, и являются лишь плодом собственных умозаключений этимологов на основе анализа имеющихся материалов.

Какой-то язык, предположительно содержащий реконструируемые формы, хронологически произошел из такого же гипотетического праязыка раньше другого, дав начало собственной ветви языков, какой-то позже. Где-то эти языковые ветви пересекались, отходили друг от друга, влияли друг на друга, переплетались, рождая новые языки на стыках или при воздействии других ответвлений индоевропейского древа. Но какие ветви на этом генеалогическом древе были древнее, а какие моложе, этимологи не говорят. Таким образом, невыполняется одна из основных функций этимологии и глоттохронологии – определение генетического старшинства языков.

Мы имеем лишь гадательные представления о гипотетическом праиндоевропейском народе и его гипотетическом праиндоевропейском языке, возникшем по самой распространенной научной гипотезе еще в мезолите в 8500-5000 гг. до н. э. на территориях современных России, Украины, Прибалтики и Прикаспия [11, р. 297].

«Славяне появляются на исторической арене *неожиданно* как *великий и уже сформировавшийся народ*; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами», – пишет Любор Нидерле в «Славянских древностях» [3, с. 7]. О полудиких славянских обитателях лесов ему не известно, а потому он говорит о славянах совершенно обратное – в античном периоде у славян была собственная цивилизация.

Существует три версии появления названия славян: первая – от двух родственных славянских слов, восходящих к общему индоевропейскому корню **kl̥eǵ* со знач. «слово, молва, известность, слава». Таким образом словѣне – это либо «люди, говорящие „по-нашему“», в отличие от немцев – «немых», «не владеющих нашим языком», «чужих», – либо «славяне» происходит от славы, словѣне – «славные». По второй версии предлагается возводить название славян к и.-е. слову *s-laϥ-os «народ» (с и.-е. *s-mobile*). И есть третья версия М. Фасмера, по которой он прямо отрицает в своем этимологическом словаре связь этнонима славян как со «слава», так и со «слово», и сближает с греч. κλύζω «омываю» и с лат. *cloāsa* «канализационный сток» [7, том III, с. 665].

Распространившись с Восточно-Европейской равнины по Евразии, народ-носитель праиндоевропейского языка никуда из мест своего обитания не исчезал: «В начале II тысячелетия либо из-за перенаселенности, либо из-за засухи, поразившей пастбища, или вследствие обеих причин эти [*праи.-е.*] народы пришли в движение. Они *мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях*, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку... Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли *греки, латиняне, кельты и тевтоны*. Другие *пришли в Анатолию*, и в результате смешения их с местными жителями возникла *великая империя хеттов*. Некоторые – ***предки современных балтийских и славянских народов – остались на своей прародине***» [1, с. 37].

Балто-славянский континуум без какой-либо дискретности наблюдается на территории расселения балто-славян как минимум со II тысячелетия до н. э. Отчего бы не допустить, что «праиндоевропейцы», фактически, предки балто-славян, уходили оттуда во всех направлениях, – и на юг, и на запад, и на восток, – но полностью со своих мест не уходили, большинство продолжало оставаться на месте.

В 1997 г. в журнале «Техника молодежи» появилась небольшая заметка «Россия – родина Германии» об исследовательской группе из Penn State University, США, которая ввела в память суперкомпьютера ядерную лексику

и грамматические структуры индоевропейских языков вместе со спецпрограммой поиска и оценки их сходств и различий.

«Ученые, – говорится в журнале, – совершили сенсационное открытие: германские наречия изначально представляли собой всего лишь одно из ответвлений крупной балто-славянской и индоиранской языковых групп. Утратив на очень ранних этапах связь со своими восточными родственниками, и попав под влияние западных языков, они почти до неузнаваемости изменились [5, с. 42], [17, р. 111].

Таким образом, германские языки представляют собой ответвление от балто-славянских. А если вспомнить слова А. Бэшема о том, что предки современных балтийских и славянских народов остались на своей прародине [1], то выходит, что от балтославянского этно-языкового ствола отделялись ветви уходивших от него в разных направлениях групп людей. Такое мы видим на примере германских. Привычная схема генеалогического древа языков примет совершенно иной вид: группа германских языков выделилась на поздних этапах из балто-славянского языкового единства. Во всяком случае, на основании результатов до сих пор никем не опровергнутого исследования [17] в отношении данной языковой группы это можно утверждать. Компьютерный анализ логично воспроизвел очевидное историческое событие – если изначально праиндоевропейцы проживали на территории современных балтийских и восточнославянских стран, то их язык дал жизнь балтийским и праславянским, ибо оставшееся большинство должно было продолжить говорить на каком-то, видимо, на этом же праи.-е. языке. Естественно, что этот язык менялся, но он никуда не исчезал. Свидетельств дискретности славянского языкового континуума нет. Однако, судя по результатам исследования [6], в германских языках такая дискретность имела место, германский языковой континуум прерывался.

В латыни прилагательное *germanus* (мн. ч. *germani*) буквально значит «того же племени, родственный» [20, *germanus*, р.174]. Чьего племени и какого происхождения германцы, если на очень ранних этапах их язык отошел

от балто-славянской языковой ветви? При этом, родственными они оказываются и южным европейцам, латинянам. Лат. прил. *germanus* не обязательно обозначает только германцев, но, как мы сказали выше, родных или соплеменников вообще: *germanus frater* «родной брат», *germana soror* «родная сестра» (от понятия «род»: *germanus* < *genmanus < *genimanus < *genimen* < *geni* < *geno*) [там же] и т.д. Отколовшись от балто-славян и уйдя на Запад, германцы оказались родственными и южноевропейским латинянам, если те сами называли их того же рода. Какова степень этого родства?

Одной из фундаментальных задач этимологии и глоттохронологии является определение генеалогии языков, то есть какие языки старше, а какие младше. Если индоевропейские языки определяются как родственные, то и связи между ними должны быть подобны родственным – кто-то в роду старше, а кто-то младше, и ничего в этом обидного или унижающего нет. Это как история семьи, ведь близкородственные и родственные языки так и называются – языковые семьи. Установление и понимание реальной иерархии языков может пролить весьма неоднозначный свет на устоявшиеся исторические воззрения.

Род, или семья не может состоять из родственников одного возраста. Родство всегда предполагает старшинство. Даже среди однойцевых близнецов, родившихся в один день, нет родства без старшинства. Один из них появляется на свет раньше первого и считается старшим. Если мы говорим о родстве, то нужно определиться каким способом установилось это родство, кто от кого произошел, и привести историческое свидетельство того, при каких обстоятельствах это породнение произошло.

Если знание и изучение истории собственной семьи для любого индивидуума является делом чести, то установление языковых родственных связей и их степеней для этимологии является не просто делом научной чести и честности, а первоочередной научной задачей. Если индоевропейцы вышли преимущественно с территории современной России, то первыми, к кому мог иметь отношение их язык, не могли не быть именно (пра)славяне. Сейчас

же этимология ограничивается лишь тем, что в словарях отмечается формальная родственность языков, но реальные степени родства, как правило, обходятся стороной.

***

В этой статье мы предлагаем проанализировать этимологию общеславянской лексемы *вода*, как обязательного члена ядерной лексики любого из человеческих языков, ибо нет народа, ни живущего, ни вымершего, который не имел бы представления о воде и некоторых «вытекающих» из нее понятий, также нашедших своё место в ядерной лексике почти любого языка, и попытаться определить степени родства *воды* с её когнатами в других языках. При анализе мы используем нашу теорию чередования матерей чтения, и рассмотрим широко известные фонетические чередования. Кратко опишем нашу теорию – один из инструментов, который мы применим при этимологизации русской лексемы *вода*.

Чередование матерей чтения широко и систематически представлено в семитских, иранских языках, но рудименты его также наблюдаются и в языках других языковых семей, в частности, в славянских.

Суть чередования: гласные звуки [o] и [y] образовались из огласованного слогаобразующего согласного [вʲ], в котором на месте шва, [ъ], имелась любая из огласовок – [ва], [ве], [ви], [во], [ву], [вы], [в'ja], или оставался шва, [вʲ]. Из любого из этих слогов образовались неслоговые гласные [o] или [y]. В ряде случаев слоги «ва», «ве», «ви», «во», «ву» и «вы» перешли в звуки [y] и [o], а где-то слились с огласовкой предшествующего слога.

Следовательно, при наличии в базовой русской лексеме звуков [y] или [o] можно предполагать присутствие в ней в прошлом слогового [в] с любой из вышеуказанных огласовок.

Например, этимологический корень в русском *привычка* тот же, что и в слове *учить*, – *приВЫчка* это **приУчка*, вольное или невольное приучение (себя) что-либо делать. При лексическом расширении слог «вы» в *привычка* перешел в «у», дав толчок семантическому развитию корня, вык- (выч-)/ук- (уч-), из базового понятия «выработка навыков» развилось более абстрактное

и комплексное понятие «учение». Таков механизм этого чередования в русском языке – семантическое развитие корней базовой лексики.

На основе этого чередования предположим, что лексема *уда* «удочка», ранее имела форму *вода/веда* – то, чем водят/ведут над поверхностью воды с целью ловли рыбы). Там же *удило* < *водило.

М. Фасмер утверждает, что «...узда (часть конской упряжи) аналогично по образованию *ɔda (см. *удá*), первонач. **«то, что вложено в рот»** (выделено нами – С.П.). Первая часть явно содержит и.-е. **ous-* «рот» (см. *уста́*), тогда как вторая часть – **dhē-* (см. *деть*)» [7, т. 4, с. 153]. По Фасмеру *узда* – это уста+деть, (в)деть в уста. Но *узда* (<*ВОзда по теории чередования матерей чтения), а также *вожжа* (здесь Фасмер не выдумывал, ибо это слово этимологически прозрачно, тем более, что он сам приводит в статье «вожжа»: укр. *віжка*, блр. *вóжка*, словен. *vôjka*, польск. *wodze* «узда» [там же, том 1, с. 332]) свидетельствуют о том, что оба они происходят от понятия «водить, возить», а не от «рот, уста» и лексем *узда* и *уда* этимологически родственны друг другу и происходят от **водить/возить**.

Если в лексеме *посуда* мы видим схожий элемент, *-уд-*, то не следует ли и здесь считать, что *-уд-а* в *посуда* также может означать *воду*, а элементу *-ос-* в *посуде* по этому же чередованию предшествовала форма *-вес-*. В *посуде* чётко видны два корня, *-вес-* и *-вод-* с приставкой *по-*: *по-вес-вод-а. По чередованию матерей чтения форма *вес-* перешла в форму *ос-*, структура слога изменилась и приоткрытый слог «ос» слился с огласовкой предшествующего слога, *по-ВЕС-вода* > *по-ОС-вода*, *поСуда*). *Посуда* – то, в чем можно повесить или поместить воду.

Те же элементы видны и в лексеме *сосуд*. Там также имеются и *-ос-* и *-уд-*, то есть *сосуд* мог ранее иметь форму *свес-вод, то, во что наливали, свешивали воду. В этом же ряду и *судно*, старшей формой которого могло быть *сводно, и здесь же может находиться лат. *puteus* «колодец» с элементом *-ute-* [7, р. 502], который и тут может обозначать воду: *вод->по-воде> ро-воде>ро-ute-us>puteus*, *поводе-ус. Если данная гипотеза звучит малоубедительно,

то остается полагаться только на словарное объяснение о том, что в самой латыни это слово заимствовано [там же].

Следовательно, зная, как выглядел элемент *-ос-* в *сосуде* и *посуде*, *-вес-*, можно уже предположить этимологию лексемы *сосок* с идентичным элементом – *сосок* < *свесок (как вариант, *свисок) «то, что свисает» + суфф. *-ок*. Этимологическая основа *соска* – *-вес/вис-*, а не *-сос-*.

Целых два слога с огласовкой [o] в лексеме *колодец*, *ко-* и *ло-*. По чередованию матерей чтения [въ > o], здесь также восстанавливается двухкорневая основа *квъл+въдец, *ковалводец, конструкция, призванная сковывать воду. Насчет первого элемента можно поспорить (возможно, что огласовку [o] в первом слоге здесь следует рассматривать не как переход въ>o, а как (o)коло-, *(o)коловодец, то, что оборудуется около воды), но второй элемент *-водец* здесь восстанавливается смело. В этом отношении интересна санскр. форма *útsa* «колодец», воспроизводящая лишь вторую основу в *(o)коловодец, – *útsa* < *водца. Смысл номинаций колодца в латыни и санскрите понятен только по-русски. Родственная связь лат. *puteus* и санскр. *útsa* обнаруживается только при противопоставлении с их славянскими когнатами.

Начальная *и-* в лат. *unda* также представляет собой пример перехода огласованного слогаобразующего согласного [vo] > [u] с дополнительной назализацией, *вода* > **vo(n)da*) > *unda*. Утратив первичное значение воды, лексема семантически специализировалась и стала обозначать волну.

Вода – практически единообразная общеславянская лексема (укр. и блр. *водá*, др.-русск. и ст.-слав. *вода*, болг. *водá*, сербохорв. *vòda*, словен. *vóda*, чеш. *voda*, слвц. *voda*, польск. *woda*, в.-луж., н.-луж. *woda*, древяно-полабск. *vãdã* [7, том I, стр. 330]) с отчетливо родственными формами в балтийских (лит. *vanduõ*, род. п. *vandẽns*, жемайт. *unduo*, лтш. *ũdens* [там же], все с назальными вставками), германских языках (др.-сакс. *watar*, др.-фриз. *wetir*, голл. *water*, др.-в.-нем. *wazzar*, нем. *Wasser*, баварск. *Wossa*, др.-норв. *vatn*, совр. норв. *vann*, гот. *wato*), представленная даже в финском (*vesi*, род. пад. *veten*, [там же]).

Весьма характерно, что М. Фасмер статью «вода» в своем этимологическом словаре начинает с неперемного указания: «*вода, сюда же вóдка*» [там же]. Отчего же статью «пить» Фасмер не начал: «*пить, сюда же нѣво*», а в начале статьи «газ» не написал «*газ, сюда же газирóвка*»? Ведь все они однокоренные слова.

Исходя, видимо, из того, что русск. *вода* происходит из германских, Фасмер приводит германские когнаты воды (*watar, wetir, water, wazzar, Wasser, vatn, vann*) для иллюстрации того, что славянский когнат тоже имеет древнюю основу на -r/-n.

Вероятно, гипотетические германские формы и имеют основу на *-r/n [7, там же], однако склонение славянской лексемы *вода* вполне удачно входит в древнеславянскую группу на основу *-a/-ja. В сильных падежах никакого гетероклитического склонения здесь нет, [6] и [2]. Чередование суффиксов *(e)r в сильных падежах и -(e)n- в слабых падежах в этом слове отсутствует. Более того, *вода* женского рода, а все гетероклитики были среднего. Среднего рода немецкая лексема *Wasser*, но не славянская *вода*. Плавный [r] появляется в этой лексеме лишь как словообразовательный формант (*выдра, ведро, море*, о котором ниже). Пиша об этимологии русской лексемы, М. Фасмер описывает ее германский когнат!

О.Н. Трубачевым «вечное», как он сам его назвал, слово *вода* не этимологизируется никак.

Издав к 2018 г. 41 том, и дойдя до *pala-*pažьпъ(jь), «Этимологический словарь славянских языков», начальной в слове *вода* буквы «V» пока не достиг, и поэтому при этимологизации *воды* воспользоваться его данными нам не пришлось.

Если взглянуть на основу праи.-и-е. *ak^w-/*ap- «вода», из которого латинское *aqua* «вода», то можно видеть, что некоторые словари предлагают его звукоподражательную природу, проводя параллель с основой праи.-и-е. корня *wagh-io- с расширителем из основы с «подвижной s» (s-mobile) *(s)wagh- «давать отзвук», то есть корень этот, – говорят словари, –

звукоподражательный и имитирует звук, производимый потоком воды, и имеет одно происхождение с *эхо* [20, p. 29, а также 13, *echo*]. Германские когнаты, обозначающие водные источники (др.-норв. *bekkr*, др.-англ. *bece*, англ. *beck*, голл. *beek*, др.-в.-нем. *bah*, нем. *Bach*, все со значением ‘ручей’), видимо, также можно возвести к корню ***(s)wagh-** без *s-mobile*.

Герм. когнаты воды *watar*, *wetir*, *water*, *wazzar*, *Wasser*, *Wossa*, *vatn*, *vann*, *wato*, как и их романские когнаты, происходящие от лат. *aqua*, и когнаты с основой **ap(b)-** (др.-ир., др.-инд. и проч.) происходят из двух предполагаемых основ праи.-е. корней ***wed-** и ***(s)wagh-**. Здесь следует отметить, что эти гипотетические корни практически схожи. Некоторые этимологи даже называют основу ***akwā-** общим германо-италийским корнем, хотя допускают, что он может быть и не индоевропейского происхождения [10, pp. 48–49].

От праи.-е. корня ***wed-** происходят греч. *ῥῶρ* (*ῥῶτος*) «вода», давшее во многих языках элемент *hydro-* (*гидро-*), лат. *unda* «волна» (из назализованной формы основы ***wed-**), герм. (напр., англ. *wet* «мокрый») и балто-славянские формы, приведенные выше, а также арм. *get* «река», фриг. *βέδν*, др.-инд. *udakām*, *uda-*, *udán-* «вода», *unátti* «бить ключом», «орошать», *ódman-* ср. р. «поток», алб. *uj* «вода» [13, ***wed-**], а также [7, том 1, с. 330].

Иначе говоря, гипотетический праи.-и.-е. корень ***wed-** стоял у истоков возникновения древнегреческого, древнегерманских, древнеиндийского, италийского и балто-славянских когнатов воды [13, ***wed-**]. Праи.-е. корень ***wed-** дал *ῥῶρ*, *unda*, *get*, *Wasser*, *water*, *βέδν*, *udakām*, *unátti*, *ódman* *uj*, но славянское *вод-а* из ***wed-** каким-то образом оказалось моложе всех этих форм. Так приходится считать при виде языкового генеалогического древа, обычно изображаемого лингвистами. На нем те же балтийские языки показаны более молодыми, чем германские и италийские, появившимися незадолго до самых молодых славянских.

Как выглядит этимология герм. *watar*, *wetir*, *water*, *wazzar*, *Wasser*, *Wossa*, *vatn* и проч.? Все они происходят от предполагаемой праи.-е. осн. ***wed-**, означающей «вода», «мокрый». По какой логике и откуда возникла эта основа

не ясно. Она означает «мокрый». По какой логике? Словари кратки — предком герм. когнатов воды является праи.-е. ***wed-** со значением «мокрый». Вопрос «почему?» не предполагается. О *воде* ни звука.

Если мы обратимся к славянским языкам, то логика основы ***wed-** будет понятна – праи.-е. осн. ***wed-** в *воде* представляет ту же основу, что и в русск. *водит*, и практически идентична праи.-е. осн. ***ued(h)-** ‘водить’ [8, том I, с. 146, «вести»]. П.Я. Черных так и предлагает: для *воды* праи.-е. осн. ***aued-** [там же, с. 159], а для *вести, веду* – ***ued(h)-** [там же, с. 146], верно восстановив почти идентичные основы для обоих однокоренных когнатов и, фактически, придя к модели «вода-водить».

В славянских языках лексема *вода* в особой этимологизации не нуждается, поскольку в отношении этимологии оно, наверное, одно из самых прозрачных, – *вода*<*водит*. Если капнуть даже каплю воды на поверхность, то при малейшем изменении горизонтальности уровня она потечет, поведет в каком-то направлении, польется. Так же вода ведет себя и в природе, и в сосудах, и в резервуарах.

Итак, *вода* от *водит*, но Фасмер об этом даже не заговаривает. Он вообще никак не этимологизирует лексему *вода*, лишь перечисляя иноязычные когнаты без малейшей попытки объяснить русскую лексему *вода*.

В славянских логика номинации лексемы *вода* загадки не представляет. В германских, однако, такой ясной этимологической связи, *вода* < *водит* нет. Если у науки есть вполне научные данные о том, что по большинству научных гипотез праи.-е. язык зародился на обширной территории Среднерусской возвышенности в широтах от Черного моря до Балтики – в местах проживания (пра)славян, – то почему прозрачайшая славянская модель «вода/водить», ***aued-/ *ued(h)-**, этимологами не берется в расчет?

Если когнаты «пота», отнесены в балто-славянских к иной логике образования и, следовательно, другой основе (от **po(k)ть* «печь») [7, том 3, с. 342–343] (хотя ещё вопрос почему бы элементу *-от* в *пот* не обозначать воду, *-от*<*-вод*?), то в индоевропейских языках они имеют схожие друг

с другом структуры с сохранившейся основой *s-mobile+wet-/ved-*, которая также может сигнализировать о *воде*: др.-сакс. и др.-фризск. *swet*, др.-норв. *sveiti*, датск. *sved*, швед. *svett*, ср.-голл. *sweet*, голл. *zweet*, др.-в.-нем. *sweiz*, нем. *Schweiß*, др.-англ. *swat*, совр. англ. *sweat* все со значением «пот», из прагерм. **swaitaz* «пот». Все они возводятся к праи.-е. корню **sweid-(2)* «потеть», также являющемуся источником когнатов «пота», например, в санскр. *svedah*, авест. *x^vaēda-*, греч. *hidros*, лат. *sudor*, (в данном случае по нашей теории слоговой огласованный [v] перешел в [u], *sudor* < **c+**wod**-op*), латыш. *swiedri*, валл. *chwys* с тем же значением [13, sweat]. Как отмечено выше, начальная *s(ch)-/z-* во всех когнатах может представлять собой *s-mobile*).

При всей прозрачности логики номинации *воды* от *водить* в славянских, в греческом, германских, итальянских, древнеиндийском и в гипотетической праи.-е. основе на первый взгляд такой логики нет, хотя среди пракельтских корней находим **wed-o* «вести» [20, pp. 406–407, **wed-o*] при праи.-е. корне **wod-* «вода» [ibid., pp. 395-396, **uden-sk-yo*] (в достаточно близких языках связь между обоими корнями со значениями «вода» и «вести» существует).

В числе прочих гипотетических праи.-е. корней-основ имеется корень **aĝ-(*heĝ-)* со значениями «вести, выводить, вытягивать изнутри или вперед, гнать, двигать» [13, **ag-*], или «вести, гнать скот», как у Ю. Покорного, [16, p. 23]. Наряду с **aĝ-(*heĝ-)* «вести» в обоих источниках даётся еще и корень **ak^w-* «вода», который по какой-то причине с **aĝ-* не ассоциируется и не отождествляется, хотя связь здесь может обнаружиться более, чем близкая.

Как мы писали выше, для воды предлагаются две праи.-е. основы, – **wed-* и **ak^w-(*ap-)*, как правило, представляемых изолированно друг от друга. Если первая основа для воды **wed-* восходит, как нам говорят, к понятию «мокрый», то основу **ak^w-* для воды у Ю. Покорного, [16, p. 63] по одной из этимологий предлагают производить от звукоподражания. Это, в частности, в качестве второй гипотезы приводится в [20, p. 29]. Там в статье “Aqua” дается греч. форма *ἄχᾰ* (из дорийск. *ἤχη* ‘эхо’) и далее: “...from the murmur of flowing water (...от (звука) журчания текущей воды — С.П.)”. Иначе говоря, праи.-е. основа

воды ***ak^w-(*ap-)** возводится в этом словаре к ономотопее. Вероятна ли ономотопея при номинации воды, как наиболее негромкой субстанции (ср., напр., «тише воды»)?

Ю. Покорный сближает *aqua* с праи.-е. основой ***ak-/*ok-** «острый»; «камень» [16, р. 63]! Вообразима ли ситуация, в которой понятие «воды» хотя бы отдаленно, хотя бы переносно можно было бы отождествить с понятием «острый»? Вода камень не заостряет, она его сглаживает, точит и разрушает. По какой логике понятия «камень» и «острый», как полагает Ю. Покорный [ibid., 61], могли повлиять на номинацию воды в индоевропейских языках? Из этого следует вывод о том, что с камнем праиндоевропейцы познакомились раньше, чем с водой, если воду они номинировали по камню, что еще менее вероятно. Сказать, что связь не очевидна – очень мягко сказать. Модель «вода<острый», или «вода<камень» висит в воздухе.

Намного удачнее, как нам кажется, в эту модель вписывается гипотеза о связи праи.-е. основ ***aġ-** «водить» и **ak^w-** «вода». Это видно в греч. ἄγειν «водить» при греч. ἀκνῖα > ἀκνῖα «уровень; ровный», из которого по одной из гипотез происходит лат. *aqua* [20, р. 29]. И в эту же модель вписывается и русская пара «влачить, волочить» (то есть вести, тянуть за собой), развившаяся в форму «влага».

Греческое πέλαγος «море», считающееся догреческим заимствованием из языков догреческого субстрата, и, следовательно, практически никак не этимологизируемое [9, pp. 1164–1165], фонетически сходно с русским *влага* (ПЛГ/ВЛГ) настолько, что при этимологизации греческого слова нельзя оставлять его схожесть с русск. *влага* без внимания. Также внимания заслуживает сравнение англ. *welkin* «небо», др.-англ. *wolcen* «облако, небеса» др.-сакс. *wolkan*, др.-фризск. *wolken*, ср.-голл. *wolke*, голл. *wolk*, д.-в.-н. *wolka*, нем. *Wolke* все со знач. «облако, небо» из прагерм. основы ***wulk-** «облако» из праи.-е. осн. ***welg-** «влажный, мокрый», [13, *welkin*]) с англ. гл. *to walk* из праи.-е. осн. ***wel-** «влачить, волочить, тащить(ся)».

При отсутствии в латыни модели «вода<водить» мы встречаем суш. *vadum, vadus* «брод, мелководье, дно моря» [20, р. 493], и гл. *vado (vadere)* ‘продвигаться, идти, брести’ [10, р. 650], семантически достаточно близкие как к *воде*, так и к *водить*.

Современная филология считает, что слово «вода» в языках возникло из двух праи.-е. их корней **wed-* и **ap-/ ak^(w)-*, при этом ни один из них наукой удовлетворительно не этимологизируется. П.Я. Черных, пытаясь семантически объединить оба, предлагает для *воды* индоевропейскую базу **aued-* [8, том I, с. 159]. В таком случае, имея в виду предложенную им основу, следует предположить старшинство форм с **ap-/*ab-* относительно форм **ak^(w)-/*aq^(w)-*, поскольку если осн. *вод-/вед-*, в отличие от реконструируемых основ **wed-* и **ap-(ak^w-)*, содержит в себе смысл и логику, «вести > вода», то она старше. Из осн. **вед-/*вод-* вполне могла сперва развиваться осн. **aued-* с, вероятно, начальной протетической *а-*, **вод/вед-* > **aued* > **aped-*, из которой далее могли развиваться формы *ab, об* и т.д., а уже от них по индоевропейскому чередованию **ap->*ak^w-* произошли формы с **ak-/*aq-*. Следовательно, персидские формы *ab, об* и др., видимо, старше итальянских и ближе к славянским. Это, в свою очередь, может прояснить каким образом ранние праиндоевропейцы могли попасть в Европу – через Кавказ и Малую Азию.

Такое древнее слово, как *вода* не может не уходить в период, предшествовавший возникновению праи.-е. языков, то есть следы этой модели можно увидеть и в ностратике. Н. Марр вообще усматривал этимон «su» (тюрк. «вода») практически во всех языках мира. При тюркских основах **sub-* в *su, suv, suu*, все со значением «вода» [18, record No. 89] мы видим *sai, say, soy*, все со знач. «сай, горная речка, русло» [ibid., record No. 152] и пратюркский корень **sūri* «уводить, угонять» [19, р. 1320]. И здесь связь «вода < водить», если не очевидна, то просматривается.

Германские когнаты «морья» или «озера» (др.-сакс. *seo*, др.-фриз. *se*, ср.-голл. *see*, шведск. *sjö*, др.-англ. *sæ*, совр. англ. *sea*, все из прагерманской основы **saiwa-*), которые «неизвестного происхождения, [вне германских] связей

не имеют, “совершенно темные”», и не этимологизируется категорически [13, sea]) можно отнести сюда же. Почему бы не попробовать сопоставить их с тюркской основой для воды ***syb-** [18, record No. 89]?

В хамито-семитских отмечается схожая модель «водить > вода > поток, потоп, дождь». В [15, p. 77, entries 312, 313 and 314] представлены три ассирийских корневых основы ***bol-**, ***bol-** и ***bolan-** со значениями 1. «течь, быть мокрым», 2. «вести, следовать» и 3. «дождь, облако» соответственно (как и в герм. *welkin/Wolke* и *to walk*, см. выше).

Из хамито-семитской корневой основы ***bol-** развиваются аккад. *abūbu* «потоп», *abālu*, *babālu*, *wabālu* «вести, приводить» [14, Vol. 1, part 1, p. 10]. В др.-евр. из существительного *yabal* «поток, ручей» (араб. *wabil* «льющийся дождь») произошел глагол в биньяне пааль *yaval* «струиться, стремиться», а также глагол в биньяне хуфаль *hovil* «приводить, приносить», а также др.-евр. *mabul* «потоп» [ibid., Vol. VII, p. 41].

В анатолийских наблюдается схожая модель: *wātar* «вода», *wāttaru* «колодец» (при праиндоевр. осн. ***aued-** для *воды*) и *huet-* «вести, тянуть» (при праиндоевр. осн. ***ued(h)-** для *вести*).

Отметим напоследок, что при праи.-е. паре корневых основ ***aġ->ak^w-** в тюркских, в частности, в узбекском имеется целый кластер «водной» лексики с этой основой: *oqar* «проточный», *oqim* ‘поток, течение’, *oqin* ‘текучий’ [4, с. 372].

Выше мы писали о словообразовательном форманте *-r-*, в частности, в слове *море*. Интересны в этой связи сербохорватское название синего цвета *модар* и словенское *moder* с тем же значением. То, что *модар* и *moder* означают цвет *моря*, понятно, но откуда в них взялся смычный альвеолярный элемент [д]? Видимо, при образовании лексемы *море* имела место диссимиляция с выпадением [д], закрепившаяся впоследствии в ряде иноязычных когнатов, *вод-а* > **вод-ра* > **модра/модар* > *мо(д)ре* > *море*.

В ряде семитских имеется когнат **maṭar* «вода» (сем. **maṭar* «текущая вода, дождь», аккад. **miṭirtu*, угарит. **mṭr*, др.-евр. *māṭār*, араб. (сир.) *meṭrō*, ар. **maṭar*, др.-егип. *mtr* «вода» [15, p. 379, No.1747]. В современном иврите от *matar* «дождь,

ливень» даже есть производное, *mitriya* «зонт». Эти формы практически полностью идентичны приведенным выше южнославянским *модер* и *модар*.

Во всех примерах мы видим чередование губных $b(v) > m$, сигнализирующее о начальном когнате *вода*, *матар* < **вода(p)*. Это чередование могло быть и в *more*, более старшая форма которого с учетом сербохорв. *модар* и словен. *moder*, а также семитского *matar*, могла быть *водре. Позднее, по чередованию $b(v) > m$ *водре перешло в *модре (что отмечено в этих языках наличием лексем с близкой семантикой), после чего из *водре > *модре выпал смычный альвеолярный [д], и лишь после этого, уже этом в виде лексема ушла в германские и итальянские языки в виде *mer*, *tere*, *mare*, *moor*, *marine*, *marsh* и проч.), все из которых, как в словарях, из праи.-е. основы ***mori-** ‘водоем’.

Предлагаем дальнейшее развитие этой гипотетической праи.-е. основы: *mori < *more* < *модре < *водре. О древности перехода $v > m$ (*водре > *модре > *matar*) можно судить по др.-егип., *mtr* «вода» [15, р. 379, No. 1747]. Фактически, *mtr* < *vd(p)*, делая слав. когнат воды древнее египетского.

Что же предлагают этимологические словари, тот же словарь М. Фасмера? В статье «море» он попросту перечисляет славянские когнаты: «болг. *морé*, сербохорв. *мор̑је*, словен. *morjê*, чеш. *moře*, словц. *more*, польск. *morze*, в.-луж., н.-луж. *morjo*», и указывает родственные балтийские: «...родственно лит. *mārios*, *mārės* мн. «Куршский залив», жем. также в знач. «море, Балтийское море». др.-прусск. *mary* «залив», лтш. *mare*, *maņa* – то же»; германские и другие когнаты: «...гот. *marei* ж. «море», д.-в.-н. *meri* – то же, ирл. *muir* «море», лат. *mare*, возм., также др.-инд. *maryādā* «берег моря»; ...д.-в.-н. *muor* «лужа, болото», англос. *mór* ...др.-фриз. *mâr* «пруд, ров», англ. *marsh*, нов.-в.-н. *Marsch* «болотистая низина» [20, т. 2, с. 654–655]. Этимологии у Фасмера нет вообще, он просто перечисляет схожие формы. Он даже не указывает заимствовано ли это слово в славянских или оно в них исконно. Фасмер пишет «родственно», но родственные связи не указывает.

Мы считаем, что лексическая связь между «водить» и «вода», будучи очевидной в славянских языках, в германских и других языках распалась

и ушла в иные семантические плоскости, поэтому там она не очевидна, ее нужно искать.

В германских понятие «вода» сохранилось в *Wasser*, *water* и проч., но уже без начальной связи с «водить», а понятие «водить» перешло в гипотетические праформы **leit-*, **laidjanan* (давшие др.-сакс. *lithan*, готт. *ga-leiþan*, др.-норв. *liða* «идти», др.-в.-нем. *ga-lidan* «путешествовать», др.-англ. *liðan* «совершать путь», *lædan* «вести, идти во главе, сопровождать», совр. англ. *to lead* «вести» [13, *lead*, v.1]). Наряду с этим значение воды, точнее, водоема сохранилось в англ. *lake* «озеро», *lough* «озеро, залив», ирл. *loch* «озеро», все из праи.-е. основы **laku-* [ibid., *lake*]. В германских, видимо, произошел сдвиг в модели «водить > вода» в сторону «лить > водный объект» (*lead-leak-lake*).

В германских мы видим переход понятия «вести» в понятие «лить» и далее в «поток», что засвидетельствовано в др.-норв. *leka*, ср.-голл. *leken* «капать, течь», др.-англ. *leccan* «смачивать, поливать», англ. *to leak* «течь, протекать», лат. *latex* «вода, жидкость» (из греч. λάταξ, -άγος «капля вина»). Далее, понятие «лить» могло перейти в название химического элемента свинец, Pb, видимо, по причине очень низкой температуры его плавления: др.-англ. *lead*, [læd], «свинец, посуда из свинца» зап.-герм. **lauda-* «свинец», др.-фриз. *lad*, ср.-голл. *loot*, голл. *lood*, все со знач. «свинец», нем. *Lot* «вес, свинцовый отвес» [ibid., *lead*, n.1].

Сюда же хорошо подходит и лат. когнат *liquidus* «жидкий, мокрый» и одновременно «текущий, длящийся», восходящий по словарям к праи.-е. основе **wleik-* «течь, бежать» [ibid., *liquid*]. И здесь также наблюдается все та же пара, «волочить, влачить (< **wleik*) > влага (> *liquere*)». Исчезающий начальный элемент [v/w], присутствующий в *вести* и *волочить*, мог быть и в **laidjanan* и в **leit-* от которых *lead* «вести» и др.

Когнат свинца, *lead*, в германских описывается как лексема неясного происхождения [там же, *lead*, n.1]. Германские когнаты свинца, – зап.-нем. **lauda-*, др.-фризск. *lad*, ср.-голл. *loot*, голл. *lood*, нем. *Lot* [там же], –

не проясняют ничего, а лишь наводят на общеславянский глагол *лить*, как источник германских когнатов свинца.

Видимо, при образовании новых лексем имело место известное чередование [л/в]. Такое чередование мы видим как в славянских, так и в других языках. Русское *полный* на украинском звучит как *повний*, *болван* как *бовван*, *желтый* как *жовтий*, *полвторого* как *пів другої*, *столи* как *стовп*, а русскому *волк* в украинском соответствует форма *вовк*. Более того, в украинском это чередование отмечено внутри морфем одной основы, *вів/вела* или *замів/замела*. Очевидно, что украинские формы образовались через чередование аппроксиманта со спирантом [l/w/v], что также систематически представлено, например, в польском *łódź* [wuf's'] «лодка» и т.д.

В свете этого чередования становится понятным смысл русского слова *свинец*, предшествующей формой которого могла быть **слинец*, или даже **сливнец*, то, что сливают, льют. В балтийские (лит. *švīnas*, лтш. *svīns*) слово попало уже после перехода л > в, **сли(в)нец* > *свинец*.

Фасмер же русское слово *свинец* не этимологизирует никак, отмечая лишь недостоверную связь с «греч. *κίανος* м. «синее вещество», гомер. *κῆάνεος* «стального цвета», где они считаются заимств. из неизвестного (!) языка» [7, т. 3, с. 577–578].

Не приводя никакой этимологии, Фасмер уводит мысль читателя в направлении заимствования русской лексемы хоть откуда, хоть из неизвестного языка, но только не в сторону ее возможного славянского происхождения. Интересно, а замечен ли вообще русский суффикс *-ец* при заимствованных корнях, исключая гапаксы? В *свинце* Фасмер такое допускает, хотя сам же указывает, что такая этимология, – корень *-свин-* от греч. *κῆάνεος* или *κῆάνεος* + русс. суфф. *-ец*, – недостоверна [там же]. В этом же ряду находится, вероятно, и переход в паре *вед-/leit-*, — через чередование спиранта с аппроксимантами, [v/w/l], *вед* > *wed* > *lead*.

Но, если в германских, образовавшихся, как мы помним, от балто-славянских, образовались формы *lead*, **lauda-*, *lad*, *loot*, *lood*, а также **loudja* и *lúaide*, то по какой логике образовались они? При многочисленности

славянских производных от *луть* (*lijati, *liti), –*lija «ливень», *lijdlo «воронка для наливания жидкостей», *lijatelj «литейщик» (литейщик в праславянском языке замечено, а лудить не замечено), сербохорватское *ливено гвожђе* «чугун», чешск. *litina* «тж.» и т.д., – в германских *луть* представлено только названием химического элемента Pb.

Но, к примеру, кельтский *lúaide*, давший все германские когнаты свинца, в «Этимологическом словаре пракельтского языка» возводится к пракельтской основе **flowdyo-*, которая далее возводится к праи.-е. основе свинца **plowd^ho-* [12, с. 135–136] весьма напоминающей славянские когнаты со значениями «вливать» и «плавить». Там же говорится о том, что, будучи кельтскими заимствованиями, германские когнаты свинца скорее всего не связаны с греч. *molybdos*, а само кельтское слово является заимствованием из неизвестного источника, и, как вариант, для праи.-е. основы предлагается совершенно не похожий на **plowd^ho-* берберский *būldūn «свинец».

Интересна пракельтская основа **lindu-*, **lindo-* «жидкий; питьевая вода, озеро» [ibid., с. 239–240], которая, видимо, уже имеет назализованную вставку. Этимологи готовы предложить какие угодно версии, – «вода от камня», «вода от эха», «вода от острого» – но только не очевидные «вода от водить» и «влага от влачить (волочить)»? Однако, иначе, как через славянские когнаты, германские и латинские когнаты объяснить невозможно.

Резюмируя этимологический анализ лексемы, *вода* и ее связи с глагольной основой *вод-/вед-*, делаем следующие выводы:

Во-первых, модель «вода-водить», очевидно, самая старшая. В чистом виде она представлена только в славянских (напр., в русск. сущ. *водá* и гл. *водíть*). В балтийских эта модель также все еще сохранна, но в них всех уже отмечаются процессы назализации и чередования матерей чтения (переход начального слогового *va-(vo-)/* в гласный [u]) в лит. *vanduo*, лтш. *ūdēns* и жем. *unduo* все со знач. «вода» при лит. *vadyti*, лтш. *vadīt*, *vadu*, все со знач. «водить». В остальных индоевропейских языках эта модель представляется в той или иной степени деформированной или даже разрушенной.

Во-вторых, остатки модели «вода-водить», будучи еще усматриваемы в этих языках с большими или меньшими лексическими расхождениями, могли бы использоваться в качестве своего рода генетических маркеров, с помощью которых, как нам кажется, возможно было бы установить хотя бы примерные степени родства и старшинства языков, отошедших от общего праязыка, на котором говорили в мезолите на Русской равнине.

И, в-третьих, лингвистическая наука, как и всякая другая, не может и не должна стоять на месте. При появлении новых методов как диахронического, так и синхронического анализа появляется новый научный инструмент, с помощью которого можно не просто уточнить, а пересмотреть этимологию базовой лексики как русского, так и других языков. Явление чередования матерей чтения не ново, известно оно столетиями в основном в семитских языках. Но, как мы увидели, оно вполне присутствует и функционирует и в языках других семей, в частности, в славянских, и, в частности, в русском. Применение этого чередования на русских базовых лексемах сделало возможным этимологизацию ряда ранее не этимологизируемых слов не только русского, но и других языков.

Список литературы

1. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия (Basham A.L. The wonder that was India, 1969), пер. с англ., изд. «Наука», 1977 г.
2. «Имя существительное», пункт 3.3.1, статья в «Лингвокультурологическом тезаурусе» на сайте библиотеки филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=3&par=1> (дата обращения: 02.05.2021).
3. *Нидерле Л.* «Славянские древности» (Niederle Lubor “Rukověť slovanských starožitností”), пер. с чешского. Издательство иностранной литературы». Москва, 1956.

4. *Петров С.Ю.* «Узбекско-русский словарь Петрова». Барнаул: «Концепт», 2014 г.
5. «Техника молодежи», журнал, февраль, 1997 г.
6. «Типы склонения имен существительных в старославянском языке» на Лекции.ком // URL:<https://lektsii.com/2-37327.html> (дата обращения: 02.05.2021).
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва, «Прогресс», 1986 г.
8. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Москва, «Русский язык», 1999 г.
9. *Beekes R. S. P.* “Etymological dictionary of Greek”. Leiden, Boston, 2010.
10. *de Vaan M.* “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, Leiden Indo-European etymological dictionary series, Brill, 2008.
11. *Mallory J.P., Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn Publishers, London, 1997.
12. *Matasovic R.* “Etymological dictionary of Proto-Celtic”, Leiden, 2009.
13. “Online etymology dictionary” // URL: <https://www.etymonline.com> (accessed on: 02.05.2021).
14. *Oppenheim Leo A.* (general edition). “The Assyrian dictionary”, 1964-1998.
15. *Orel V., Stolbova O.* “Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction”, E.J. Brill, 1995.
16. *Pokorny J.* “Proto-Indo-European Etymological Dictionary”, revised edition, Dnghu Association, Academia Prisca, 2007.
17. *Ringe D., Taylor A., Warnow T.* “Indo-European and Computational Cladistics”, article in “Transactions of the Philological Society”, Vol. 100:1, 2002.
18. *Starostin S.* “Turkic Etymology” as published at // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\turcet&first=1>.
19. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* “An Etymological Dictionary of Altaic languages”.

20. *Valpy F.E.J.* “An etymological dictionary of the Latin language”. London, 1828.

References

1. *Basham A.L.* (1977). The wonder that was India. Transl. from English. Moscow: “Nauka”. (In Russian)

2. “Noun”, paragraph 3.3.1, an article in the “Linguoculturological Thesaurus” on the website of the library of the philological faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov // URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=3&par=1> (дата обращения: 02.05.2021). (In Russian)

3. *Niederle L.* (1956). Rukověť slovanských starožitností. Transl. from Czech. Foreign Languages Publishing House. Moscow. (In Russian)

4. *Petrov S.Y.* (2014). “Uzbeksko-russkii slovar’ Petrova”. Barnaul: Kontsept. (In Russian)

5. “Technology for the Youth” (1997). Magazine, February. (In Russian)

6. “Tipy skloneniya imen sushchestvitel'nykh v staroslavjanskom yazyke” na Leksii.com // URL:<https://leksii.com/2-37327.html> (accessed on: 02.05.2021). (In Russian)

7. *Fasmer M.* (1986). Etimologicheskij slovar’ russkogo yazyka. Moscow, “Progress”. (In Russian)

8. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. (1999). Moscow: publishing house “Russian language”. (In Russian)

9. *Beekes R. S. P.* (2010). “Etymological dictionary of Greek”. Leiden, Boston. (In English)

10. *de Vaan M.* (2008). “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, Leiden Indo-European etymological dictionary series, Brill. (In English)

11. *Mallory J.P., Adams D.Q.* (1997). Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn Publishers, London. (In English)

12. *Matasovic R.* (2009). “Etymological dictionary of Proto-Celtic”, Leiden. (In English)

13. “Online etymology dictionary” // URL: <https://www.etymonline.com> (accessed on: 02.05.2021). (In English)
14. *Oppenheim Leo A.* (general edition). (1964–1998). “The Assyrian dictionary”. (In English)
15. *Orel V., Stolbova O.* (1995). “Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction”, E.J. Brill. (In English)
16. *Pokorny J.* (2007). “Proto-Indo-European Etymological Dictionary”, revised edition, Dnghu Association, Academia Prisca. (In English)
17. *Ringe D., Taylor A., Warnow T.* (2002). “Indo-European and Computational Cladistics”, article in “Transactions of the Philological Society”, Vol. 100:1. (In English)
18. *Starostin S.* “Turkic Etymology” as published at // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\turcet&first=1>. (In English)
19. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* “An Etymological Dictionary of Altaic languages”. (In English)
20. *Valpy F.E.J.* (1828). “An etymological dictionary of the Latin language”. London. (In English)

Автор публикации**Author of the publication**

Петров Сергей Юрьевич – технический переводчик в компании ЗАО «Сервис-Газификация», Екатеринбург, на проекте строительства ЭЛОУ/АВТ «Газпромнефть-ОМПЗ» в г. Омске, Россия.

E-mail: sypetrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8755-6578>

Petrov Sergey Yurievich – technical translator in *Servis-Gazifikatsiya ZAO, Ekaterinburg*, at “Gazpromneft” CDU/VDU construction project in *Omsk, Russia*.

E-mail: sypetrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8755-6578>

Поступила в редакцию: 21.01.2021

Принята к публикации: 15.05.2021